

Глава 7. Недуг

В одном лишь Сунь Цинфэн оставался непреклонен — в тренировках. Каждый вечер, едва наступал час Свиньи, он откладывал любые дела, какой бы смертельной ни была усталость, и усаживался созерцать внутренний исток.

Цзинь Линьэр не находил в этом ничего странного: Чжао Шо в свое время поступал точно так же. Прежде мальчик подозревал, что его прошлый покровитель балуется темным колдовством, и от греха подальше ни о чем не расспрашивал. Однако теперь любопытство взяло верх, и он решил осторожно прощупать почву в разговоре с Сунь Цинфэном.

Тот охотно поделился тайной: всякий, кто постигает «Божественное искусство Золотого облика», неизбежно накапливает в себе темную энергию призрачной злобы. В час Свиньи, когда холодная сила Инь достигает пика, беснуются все земные кошмары. В это время практикующему нужно быть настороже: запереть дыхание-ци в даньтяне, усмирить помыслы и укрепить дух, иначе беснующиеся духи разорвут разум.

Линьэр сперва отнесся к этим рассказам с недоверием, но защитник Сунь говорил настолько серьезно, что даже распахнул ворот халата, являя его взору уродливый длинный рубец на груди.

По словам мужчины, эта отметина у самого сердца осталась на память о былой оплошности. Стоило лишь раз пропустить полуночную медитацию, как затаившаяся внутри тварь почуяла слабость и попыталась вырваться наружу. За два века суровых тренировок призрачная злоба превратилась в бушующий черный океан; рожденные им монстры когда-то едва не вырвали Суню сердце. С тех пор в его жилах почти не осталось теплой крови.

Впрочем, провести себя Линьэр не позволил. Он прекрасно понимал: Сунь Цинфэн до смерти боится, как бы его подопечный не отказался пить кровь ради тренировок, а потому использует любой предлог, чтобы склонить его к послушанию. В этой пугающей истории правда явно мешалась с вымыслом, так что делить услышанное следовало надвое.

С другой стороны, стоило вспомнить их первую ночь в Лощине Абрикосового цвета, как уверенность таяла. Тогда изнуренный побегом защитник Сунь заснул без медитации, и из его тела действительно рвалась наружу какая-то потусторонняя, леденящая душу жуть.

«Неужели демоны и правда сожрали его сердце?» — подумал Линьэр, и ему стало искренне, до боли жаль своего сурового наставника. Отбросив сомнения, он молча уселся рядом, скрестив ноги, и сосредоточился на циркуляции внутренней энергии.

То ли сказалось нервное потрясение, то ли просто надуло сквозняком, но посреди ночи у Линьэра начался сильный жар.

За год с лишним, что они провели вместе, ни один из них не ведал даже легкой простуды.

Поначалу Сунь Цинфэн растерялся. Решив, что с наступлением весеннего тепла тяжелое одеяло просто перегрело мальчишку, он притащил ведро ледяной воды из источника, Внимающего снегу. Намочив тряпицу, он принялся усердно обтирать разгоряченное тело, надеясь вернуть ему долгожданную прохладу.

Но легче Линьэру не становилось. Напротив, он заметался в бреду и, судорожно вцепившись в рукав защитника, жалобно позвал отца.

Сунь Цинфэна вновь захлестнуло то самое беспомощное отчаяние, что и в день их первой встречи. Он сидел на краю постели, не сводя глаз с пылающего лица ребенка. И в эту минуту в его голове занозой засела мысль — не привычное эгоистичное «если он погибнет, погибну и я», а совершенно иное, пугающее: «если его не станет, к чему мне вообще топтать эту землю?»

От этого внезапного осознания у воина перехватило дыхание, а мысли на миг превратились в чистый белый лист. Испугавшись собственных чувств, он оборвал размышления, бережно завернул мальчика в одеяло и, пинком разнеся в щепки мешавший столик, вылетел вон из каменной хижины. Тьма за порогом стояла чернильная, густая, но он, не разбирая дороги, вихрем понесся вперед, отмерив без передышки добрых тридцать ли.

Едва небо на востоке окрасилось бледным рассветным золотом, беглец наконец ворвался в ближайший к долине городок и принялся со всей силы колотить в ворота первой попавшейся лечебницы.

Сонный лекарь, ворча, приоткрыл тяжелую створку и тут же едва не лишился чувств: перед ним стоял рослый, мрачный как грозовая туча путник. Решив, что к нему пожаловали лихие люди с большой дороги, старик задрожал, но, уразумев, что грабить его никто не собирается, немного перевел дух. Впрочем, стоило ему выслушать сбивчивые, полные паники объяснения ночного гостя, как он перепугался пуще прежнего, вообразив, что принесенное дитя уже выпускает дух.

Однако осмотр занял от силы пару минут, после чего лекарь лишь покачал головой, не зная, смеяться ему или сердиться.

Мальчишка просто переохладился на весеннем сквозняке — пустяковое дело, даже снадобий никаких не требовалось, довольно было пары дней тепла и хорошего ухода.

Заметив, однако, как изнывает от тревоги суровый отец, старик сжалился и решил прибегнуть к иглоукаливанию, дабы поскорее разогнать застоявшийся жар.

В этом захолустном приграничном городишке люди обычно выглядели забитыми и пропыленными, тогда как от этой странной парочки веяло благородством, совершенно не вязавшимся с убогой мирской суетой. Заинтересованный лекарь, аккуратно вводя тонкие иглы, принялся неторопливо расспрашивать гостя, надеясь унять его излишнюю нервозность.

Вспыльчивый и резкий по природе своей, Сунь Цинфэн, когда желал, умел выдавать безупречные манеры. Поняв, что худшее позади, он умерил пыл, принялся вежливо извиняться за ночной переполох и горячо благодарить старика за помощь, выдавая редкое для себя смирение.

Слово за слово, и защитник принялся расспрашивать лекаря обо всех тонкостях ухода за больными детьми. Сдвинув густые брови, он внимательно внимал каждому совету, усердно запечатлевая их в памяти. Окажись у него под рукой бумага и тушь, он наверняка прямо на месте накатал бы объемистый свиток под названием «Руководство по воспитанию чад от защитника Суня».

Польщенный столь искренним вниманием, лекарь охотно делился житейской мудростью. Провожая гостей, он ласково потрепал спящего мальчика по щеке и заметил, что ребенок на редкость хорош собой и вырастет таким же статным и видным мужчиной, как его отец. Старик, разумеется, и помыслить не мог, что перед ним чужие люди.

Сунь Цинфэн от этих слов невольно замер на месте.

Осваивая суровое «Божественное искусство Золотого облика», он долгие годы провел в ледяном одиночестве на бескрайних просторах Байхая. Одиночество сделало его нрав угрюмым и колючим, а поступки — непредсказуемыми. За всю долгую жизнь он так и не нажил друзей, если не считать Хранителя печати культа Золотого света, с которым делил одну судьбу на двоих.

Линьэр же, чистый и простодушный, не испытывал к угрюмому воину той настороженности, с какой к нему относились прочие смертные. Мальчик следовал за ним повсюду, ловил каждое слово с неподдельным восторгом, одобрял любое дело и искренне, без задней мысли заботился о его благополучии.

Их связывало нечто большее, чем просто навязанная свыше судьба — они вместе прошли сквозь огонь и воду, заслужив право доверять друг другу жизни.

И сейчас в груди защитника шевельнулось доселе незнакомое, щемящее чувство ответственности. Он вдруг ясно осознал: отныне он не просто влачит бессмысленное существование в ожидании неизбежного конца. Теперь у него есть цель — уберечь этого ребенка и провести его за руку по той тернистой дороге, которую уготовил мальчику рок.

— Тут вы правы, — не сдержав редкой, непривычно мягкой улыбки, отозвался защитник Сунь. Он выудил из-за пазухи небольшую золотую пластинку и щедро подбросил ее лекарю на ладонь. — Лицом он весь в покойную матушку пошел, не в меня. Вырастет — краше весеннего цветка станет.

На дворе стоял апрель — благодатная, цветущая пора.

К полудню солнце покатилося к западу, теплый весенний ветер заиграл в кронах деревьев, разнося по улочкам невесомый пух цветущих ив. В воздухе разлился тонкий, сладковатый аромат диких трав. Тени от листвы метались по дорожной пыли, напоминая стайки пугливых рыбок, что мгновенно собирались вместе и тут же рассыпались в стороны.

Они шли рука об руку по оживленной улочке. Из окон местной школы доносилось стройное детское многоголосие — ученики нараспев повторяли за учителем мудрые строки; под карнизами ласточки деловито вили гнезда из веточек и глины. Из труб тянулся сизый дымок, дразня аппетитным ароматом домашнего очага, а у придорожной харчевни из огромных бамбуковых пароварок клубами валил густой, душистый пар.

Все вокруг дышало безмятежным покоем и первозданной радостью бытия, заставляя почувствовать: жизнь прекрасна.

Поравнявшись с лавкой, Линьэр шумно втянул носом воздух и, почуяв сочный аромат свежего мяса, уставился на пароварки округлившимися, сияющими глазами.

Сунь Цинфэн вовремя увлек пускающего слюни мальчишку прочь. Остановившись у меняльной лавки, он недолго понаблюдал за местными порядками, после чего важно переступил порог и под полным благоговения взором Линьэра обменял золотую пластину на пригоршню мелкого серебра и увесистую связку медных монет.

Сунь Цинфэн заботливо подвязал связку к поясу мальчишки и не без ехидства заметил:

— Ну что, почтенный глава культа, судя по славе вашего ордена, вам бы следовало просто отобрать приглянувшийся товар. Жаль только, силенок у тебя маловато — хозяин лавки тебя самого в бараний рог согнет. Придется платить по-честному.

Линьэр, отличавшийся на редкость своеобразным ходом мыслей, лишь лукаво сверкнул круглыми, как бусины, глазами и тут же нашелся что ответить:

— Так ведь папа потому и оставил мне золото, чтобы я мог купить все, что душе угодно, и вырос приличным человеком!

Сунь Цинфэн лишь пренебрежительно фыркнул и отвернулся, но мальчик тут же повис на его руке, ластясь и заглядывая в лицо. Случайно прикоснувшись к животу Линьэра, воин ощутил под ладонью тонкие, выпирающие ребра, а когда мимо них прошла местная женщина, ведущая за руку упитанного, круглощекого карапуза, на душе у него сделалось совсем паршиво.

Недолго думая, он сгреб мальчишку в охапку, широким шагом вернулся к лоточнику и, побогатырски взмахнув рукой, громогласно объявил:

— Хозяин, подай-ка десять самых пышных паровых булочек!

Линьэр, прижимая к груди узелок с десятью горячими, белоснежными булочками, прямо-таки захлебывался от восторга. Он растерянно крутил головой, не зная, с какой стороны подступиться к этому пиршеству, а когда в нос ударил упоительный, давно позабытый аромат сочной начинки, восторженно выпалил:

— Сунь, дя... папочка, ты у меня самый лучший!

Они ведь заранее уговорились: на людях выдавать себя за отца и сына. Кто же знал, что едва мальчишке в руки попадет заветное лакомство, как он от избытка чувств едва не проговорится.

Сунь Цинфэн лишь снисходительно хмыкнул:

— «Дяпапочка»? Скажешь тоже, сущий отчим. Сколько раз тебе повторять: жуй молча и поменьше сори лстивыми речами, не то подавишься ненароком.

Видя, как увлеченно Линьэр работает зубами, защитник бережно подхватил его и усадил к себе на плечи, забрав горячий узелок, чтобы тот не мешал трапезе.

Освободив обе руки, мальчуган принялся уплетать угощение за обе щеки, жмурясь от непередаваемого удовольствия.

А воин мерно вышагивал под ласковым весенним солнцем, бережно неся драгоценную ношу на своих широких, крепких плечах.

Среди уличной толпы, серой от дорожной пыли, чистенький, опрятный Линьэр казался фарфоровой статуэткой, а его личико светилось мягким нефритовым блеском. На кончике его носа от горячей еды выступили крошечные бисеринки пота — точь-в-точь сладкая роса на лепестке кувшинки, приманившая легкокрылую бабочку. Та, покружив немного, опустилась прямо ему на переносицу.

Бабочка вспорхнула, стряхнув с хрупких крыльев золотистое облачко пыльцы.

Линьэр уморительно сморщился, звонко чихнул, и недоеденная булочка выскользнула из его пальцев.

Не успела она долететь до земли, как ее на лету перехватил грязный, но на редкость проворный оборвыш.

Сунь Цинфэн недовольно насупился, намереваясь прикрикнуть на наглеца.

Но мальчик придержал его за плечо:

— Пой, я все равно сыт по горло, а ты такое не ешь. Может, отдадим им остальные булочки?

— Ишь ты, добренький какой, — хмыкнул защитник. — А у кого только что слюнки текли до самой земли?

— Да просто я привык к твоей стряпне, — ласково пропел Линьэр. — Покупное угощение после твоих разносолов кажется совсем невкусным. Так, побаловаться только. Ну отдай им, а? Папочка...

— Разговаривай нормально! — Сунь Цинфэн мгновенно залился густой краской до самых ушей.

Сколько бы времени они ни провели вместе, как бы близко ни сошлись, он никак не мог привыкнуть к бесхитростной детской лести. В такие минуты ему казалось, что мальчишка либо круглый дурак, раз хвалит его, неотесанного грубияна, либо просто привык раздавать сладкие речи направо и налево.

— Сладкоголосый пройдоха, — ворчливо бросил он. — Ни капли отцовского величия в тебе нет.

Слова словами, а узелок с остатками булочек послушно перекачывал в грязные ручонки обступивших их маленьких побирушек.

Пока защитник одаривал сирот милостыней, Линьэр успел заприметить на площади нечто заманчивое. Округлив глаза, он заговорщицки прошептал:

— Мы ведь так редко выбираемся в люди... Давай вернемся попозже, а?

Благодарные побирушки принялись неистово бить поклоны, утыкаясь лбами прямо в дорожную пыль, отчего воин почувствовал себя крайне неловко. Мечтая поскорее отделаться от назойливого внимания, он торопливо спросил:

— Ладно, куда тебя еще вести?

Мальчик просиял от радости, крепко обхватил его шею ручонками и звонко чмокнул в лоб:

— Папочка, ну до чего же ты хороший!

Краска мгновенно залила лицо воина от шеи до кончиков ушей. Смущенно дернув плечом, он буркнул:

— Да говори уже, куда!

Повинуясь указаниям маленького наездника, воин направился к плотному кольцу зевак, собравшихся на краю площади.

Люди обступили ветхий, наспех сколоченный балаганный помост.

На сцене юная забавница в пестром лоскутном платье лихо закручивала умопомрачительные сальто.

Сунь Цинфэн со своим ростом под девять чи высился над толпой великаном. Ему не нужно было даже приподниматься на цыпочках, чтобы рассмотреть сцену во всех подробностях. Лениво скользнув взглядом по трюкам девицы, он пренебрежительно фыркнул:

— И ради этого стоило толпиться? Такие кульбиты я еще в восемь лет десятками крутил. Дешевое кривляние, смотреть тошно.

Пока прочие зеваки любовались статью и миловидным личиком плясуньи, этот суровый воитель подмечал исключительно огрехи в ее технике, да еще и умудрялся сравнивать уличную потешницу с собой.

— Так ведь ты для меня прыгать не станешь, — резонно заметил Линьэр. Однако, заметив, что воин недовольно нахмурился, поспешно добавил: — Да и то сказать: твое мастерство бесценно, негоже выставлять его на потеху зевакам ради медных грошей. То, что мне посчастливилось его увидеть — истинная благодать. Разве можно равнять эту бродяжку с тобой?

Слова мальчишки легли на душу защитника приятным бальзамом. Однако, глядя на этот кроткий, покладистый нрав, он невольно вспомнил наказ Чжао Шо. «Надо же, воспитал на свою голову послушного паиньку вместо грозного владыки Дьявольского культа!» — с досадой подумал он и притворно рассердился:

— Худший глава культа на моей памяти, честное слово!

Линьэр лишь беззаботно рассмеялся и, протянув руки, шутливо ухватил воина за оба уха:

— Зато ты самый добрый человек из всех, кого я знаю!

Тот мотнул головой, высвобождаясь из цепких пальцев:

— Руки убрал! Неужто не боишься тигра за уши дергать?

— Да какой ты тигр, ты просто большой домашний кот! — звонко рассмеялся Линьэр. — Коты терпеть не могут, когда их трогают за уши, но стоит почесать им подбородок, как они тут же принимаются мурчать.

С этими словами он бесцеремонно провел ладошкой по жесткому подбородку защитника и принялся умильно мяукать ему прямо в ухо.

После бессонной ночи у постели больного воин изрядно притомился. Теплое солнце приятно грело макушку, в голове шумела сонная одурь. Он честно собирался прикрикнуть на сорванца, дабы неповадно было, но вместо этого во всю мощь своих богатырских легких рывкнул:

— Мяу!

Грозный воитель, зычно орущий кошачьим голосом посреди людной площади — зрелище было поистине неопишное.

Окружающие зеваки разом смолкли и уставились на Сунь Цинфэна с глубочайшим изумлением, подозревая в нем буйного помешанного.

Едва сдерживая подступающий хохот, Линьэр попытался спасти положение. Запрокинув голову, он звонко замурлыкал на всю площадь:

— Мяу-у-у! Мур-р-р!

Напряжение спало, и толпа дружно покатилась со смеху. Сам же виновник переполоха готов был на месте сквозь землю провалиться от стыда.

Линьэр, весело заливаясь вместе с остальными, заговорщицки подмигнул зевакам:

— Не обращайтесь внимания, папа просто кошачью сутру читает!

Краска постепенно сошла с лица защитника, а гнев сменился тихой грустью. Усмирив раздражение, он мысленно махнул рукой: «Да и бог с ним, пускай растет покладистым. Какая, в сущности, разница? Мое дело — уберечь его жизнь, а там хоть трава не расти. Десять лет пролетят — и не заметишь».

— А теперь, почтенные господа, гвоздь нашей программы!

Уличная плясунья, заметив, что внимание толпы беззастенчиво украли чужаки, обиженно топнула ножкой. Она состроила Линьэру шутливую грозную мину, но едва зрители повернулись обратно к помосту, мгновенно расплылась в лучезарной улыбке и звонко закричала:

— Наше чудо-представление вы ни в жизнь не забудете! У кого кошелек полон — поддержите звонкой монетой, а у кого карман пуст — не пожалейте доброго слова!

Зеваки одобрительно загудели, и в щербатую плоску у подножия помоста посыпался щедрый дождь из медных монет.

<http://bllate.org/book/18425/1772167>